

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20

Акцентирование и нивелирование оппозиции «свой — чужой» на уровне анекдотов

А. А. ШУНЕЙКО, О. В. ЧИБИСОВА

КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье представлен анализ характера трансляции и семантического наполнения оппозиции «свой — чужой» в современном русском языке. В качестве материала для анализа выступают тексты анекдотов, содержащих оппозицию «свой — чужой», собранных на портале «Анекдоты из России» (<https://www.anekdot.ru/>).

Проблема семантического наполнения оппозиции в русском языке проявляется в том, что процессы нейтрализации оппозиции не менее сильны, чем процессы ее акцентирования. Это подтверждается множеством речевых фактов. Качество уравнивающих друг друга противоположных тенденций показывает, что оппозиция на языковом уровне в русском языке сейчас снята.

Проблема прогнозирования значимости оппозиции обусловлена тем, что в любой момент оппозиция может актуализироваться для той или иной группы. Распространение противоположных процессов поддается контролю, который предполагает постоянный учет использования маркированной лексики в больших массивах текстов и вброс в них единиц с противоположным оценочным значением.

Материалы современного русского языка показывают, что процессы нейтрализации оппозиции не менее сильны, чем процессы ее акцентирования. Наличие двух уравнивающих друг друга противоположных тенденций позволяет говорить о том, что оппозиция снята. В любой промежуток времени оппозиция может актуализироваться. Современное состояние коммуникативного пространства позволяет контролировать распространение противоположных процессов. Восприятие оппозиции как организуемой двумя противоположными тенденциями позволяет избежать одностороннего взгляда на сложные и определяющие характер существования национальных коллективов факторы.

Ключевые слова: маркеры идентичности; свой — чужой; русский язык; анекдоты; оппозиция; акцентирование; нивелирование

ВВЕДЕНИЕ

Оппозиция «свой — чужой» является базовой для любой культуры, поскольку лежит в основе самоидентификации лица и группы лиц. Аналитика оппозиции «свой — чужой» в последнее десятилетие (2006–2016 гг.) осуществляется представителями различных областей знаний. Эта категория традиционно рассматривается в культурологических исследованиях, в том числе активно используется в тезаурусном подходе Вал. А. и Вл. А. Луковых. Они отмечают важность тезаурусного подхода в различных парадигмах знаний, обращая внимание на то, что тезаурус «строится не

от общего к частному, а от своего к чужому. “Свое” выступает заместителем общего. Реальное общее встраивается в “свое”, занимая в структуре тезауруса место частного» (Луков Вал., Луков Вл., 2004: 95).

Оппозиция также исследуется в работах других авторов (Петрова, 2006; Самарина, 2006; Илиполова, 2010; Матвеева, 2011; Дубоссарская, 2012; Abildinova, 2013; Фельде, 2015; Автохутдинова, 2015; Качмазова, 2015 и др.). В работах перечисленных ученых оппозиция рассматривается как с точки зрения общих содержательных параметров, организующих противопоставление, так и в плане конкретного наполнения своих компонентов в рамках той или иной культуры.

Так, М. А. Петрова (Петрова, 2006), исследуя восприятие друг друга культурами России и Франции, описывает их национально-культурные концептосферы и доказывает, что образы «чужого», создаваемые писателями и журналистами, способствуют формированию у читателей стереотипов, нередко разрушающихся при непосредственных контактах. Исследование этнокультурного образа индейца, созданного в Перуанских хрониках XVI в., позволило М. А. Дубоссарской (Дубоссарская, 2012) заключить, что для описания всех способов интеракции представителей разных культур требуется введение в бинарную оппозицию «свой — чужой» категории «другой», поскольку для духовенства индеец выступал в качестве объекта христианизации и потенциального «брата во Христе». Подобную мысль выражает С. Шолк (Schalk, 2011), только она называет этого третьего «другой своей» (the other-self). О. Ф. Автохутдинова (Автохутдинова, 2015) систематизирует и описывает совокупность приемов создания положительного образа «другого» (персонажа-помощника и героя), отрицательного образа «другого» (врага и человека, отклоняющегося от нормы) и амбивалентного образа «другого» (человека, говорящего о самом себе, жертвы и диссидента).

А. У. Качмазова (Качмазова, 2015) рассматривает стереотипные образы в российской, североосетинской и американской культурах, используя для этого когнитивные схемы «чужие — свои» и «плохие — хорошие». Она приходит к выводу, что в основании автостереотипа (образ своего) лежат общечеловеческие ценности, а в основании гетеростереотипа (образ чужого) лежат этнические различия в ценностях. Ж. Б. Абилюдинова (Abildinova, 2013) считает, что различие в этнических стереотипах вызывает возникновение трех видов лакун. Интеркультурные лакуны отражают традиционное восприятие национального характера другого народа, саморефлективные лакуны — собственного национального характера. Третий вид лакун связан с несовпадением оценки одних и тех же качеств представителями разных культур. А. А. Матвеева (Матвеева, 2011) подразделяет оценки «своего» и «чужого» на поверхностную оценку, опирающуюся на общечеловеческие культурные нормы, и глубинную оценку, восходящую к базовому архетипу. Первая оценка признает присутствие отрицательных качеств в «своем» и положительных в «чужом»; при второй все «свое» воспринимается как заслуживающее одобрение, а все «чужое» — неодобрение.

И. В. Самарина (Самарина, 2006) выделяет тактики и речевые приемы создания «круга своих» и «круга чужих» в выступлениях политиков России и Великобритании, реализация которых является универсальной для обеих культур и направлена в первую очередь на создание впечатления общности интересов (солидаризация) или на формирование отрицательного образа политического оппонента (создание образа врага). Изучив проявления противоречия «свой — чужой» при социокультурных контактах, К. С. Илиполова (Илиполова, 2010) делает вывод, что главной особенностью

россиян является амбивалентное отношение к различным сегментам социокультурного пространства страны, ведущее к «оборотничеству» своего и чужого. Обстоятельством, непосредственно обуславливающим его, является глобализация мира, а одним из ярких проявлений — миграция населения. В. Г. Фельде (Фельде, 2015) дает характеристику различным видам демонстрации оппозиции «свой — чужой» в конфликтах, экстремальности, фанатизме и экстремизме и классифицирует модели столкновения «своего» и «чужого» в них. Она обосновывает толерантность как необходимое реальное условие для функционирования оппозиции «свой — чужой» в современном мире.

До сих пор исследователи, вне зависимости от своих конкретных задач, преимущественно концентрируют свое внимание именно (часто — исключительно) на обнаружении самой оппозиции и выявлении противопоставляющих ее компоненты смыслов. В результате современные представления о межкультурной коммуникации стали отчетливо напоминать описание грандиозного плана военных действий, где множество разнообразных «своих» противостоит множеству разнообразных «чужих». Частично смягчают остроту этой мрачной картины фиксации результатов процесса глобализации. Не менее важным представляется рассмотреть и противоположный аспект: то, каким образом оппозиция в границах конкретной культуры снимается, деактуализируется.

Соответственно, целью данной статьи является анализ характера трансляции и семантического наполнения оппозиции в современном русском языке, т. е. определение того, каким образом оппозиция в своей целостности воспринимается и оценивается носителями русской культуры. Эта цель реализуется на базе анализа содержащих оппозицию «свой — чужой» анекдотов. В качестве эмпирического материала были использованы тексты, размещенные на существующем с 1995 г. и постоянно пополняющемся по сегодняшний день авторитетном интернет-портале «Анекдоты из России» — <https://www.anekdot.ru/> (автор проекта и главный редактор сайта Д. Вернер).

ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОППОЗИЦИИ

В каждом конкретном случае оппозиция «свой — чужой» выражается неоднократно и многообразно. Она представлена совокупностью оппозиций, число которых равно количеству тех социальных характеристик (ролей и функций), которые лицо или группа лиц считают для себя актуальными, признают в качестве идентифицирующих. Сколько социальных характеристик — столько и оппозиций. Например, любой конкретный человек может быть идентифицирован с точки зрения пола, возраста, семейного положения, социального статуса, достатка, идеологической ориентации, национальности и т. д. Каждая из этих характеристик порождает свою оппозицию, которая оказывается в сложном взаимодействии с другими. Так, с точки зрения пола чужими будут все, кто относится к противоположному полу; с точки зрения возраста — все, кто старше или младше; с точки зрения национальности — люди иной национальности и т. д.

Совокупная множественность оппозиций продуцирует мобильную оценку, которая усиливается или снимается благодаря учету всей совокупности возможных маркеров. Например, два человека могут обладать тождественными характеристиками по признаку идеологической ориентации, а по всем остальным параметрам противопоставляться, но это противопоставление будет существенно снято. Тогда суммарно чужой будет восприниматься как свой. Или, наоборот, два человека могут обладать тождественными характеристиками по всем параметрам идентификации, а по признаку

ку идеологической ориентации быть контрастно противопоставленными, что оппозицию не снимет. Тогда суммарно свой будет восприниматься как чужой.

Различным образом представленные в реальном взаимодействии групп и лиц комбинации социальных признаков в конкретных случаях приводят к тому, что оппозиции либо усиливаются (акцентируются), либо сглаживаются (нивелируются). В конечном счете острота оппозиции «свой — чужой» в любом социуме определяется не самим фактом ее наличия (она и так есть всегда и везде), а тем, насколько уравновешены между собой механизмы усиления и сглаживания.

Оппозиция «свой — чужой» всегда представлена одновременно на личностном, групповом и языковом уровнях. Все три уровня находятся в сложном взаимодействии. При этом, если трансляция и наполнение оппозиции на первых двух уровнях регулируется в первую очередь (хотя не только) личностными предпочтениями, то ее же трансляция на третьем уровне определяется внеличностными стереотипами, бытующими в целом языковом коллективе — в среде носителей конкретного языка. Представленная в коллективном сознании семантическая маркировка оппозиции может быть выявлена через анализ распространенных речевых форм, используемых всем коллективом и в принципе не зависящих от индивидуальных предпочтений. В этом случае для обнаружения семантики оппозиции не требуется социологических опросов и вовсе необязательно проводить контент-анализ больших массивов текстов. Достаточно проанализировать совокупность общеупотребительных речевых форм, семантика которых имеет отношение к оппозиции, связана с ней.

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ ОППОЗИЦИИ

Рассмотрим, как механизмы усиления и сглаживания проявляются в современном русском языке применительно к оппозиции «свой — чужой», основанной на признаке национальной принадлежности. Подчеркнем, что в данном случае в сферу анализа вовлекаются не столько социальные, сколько языковые процессы, которые последовательно отражают отношение национального коллектива к оппозиции. В связи с этим предметом анализа были избраны речевые проявления, лишенные авторского начала.

Акцентирование оппозиции на уровне анекдотов осуществляется посредством текстов, подчеркивающих недостатки лиц иной национальности, фиксирующих оценку внешнего наблюдателя. Эта оценка может иметь различную степень всеобщности. Этот комплекс может транслироваться посредством различных модификаций: приписывание общей черты, делегирование черты определенной группе представителей национальности, перенос причины характеристики в сферу внешних условий жизни, актуализация иной оппозиции, контрастное противопоставление.

Приписывание общей негативной черты представителям «чужой» национальности. Например: *«Эстонцы любят стоять у клетки с ленивцем и подолгу наблюдать, как резвится этот подвижный зверек»*. Отметим, что только в этой модификации приписывание негативной черты является безусловным действием и не сопровождается внутренней нейтрализацией. Во всех остальных случаях она присутствует, потому что негативная характеристика либо не транслируется на весь коллектив, либо обуславливается какими-нибудь факторами, сглаживающими ее остроту.

Делегирование черты определенной группе представителей национальности. В этих случаях действующим лицом выступает представитель какой-либо национальной группы: еврейский торговец, английский джентльмен, японский самурай и т. п. То есть ха-

рактика в языковом плане не распространяется на всю национальность. Например: *«Алло! Полиция! Это хозяин ювелирного магазина! Меня хотят ограбить!»* — *«А, Рабинович, опять вы? Не можем вам помочь. По закону, если клиент попросил скидку 2%, это еще не считается грабежом!»*

Перенос причины характеристики в сферу внешних условий жизни. Например: *«Сорок лет водил Моисей евреев по пустыне, да все без толку. Сусанин-то со своими за пару дней управился!»* В этом анекдоте негативные черты евреев представлены не сами по себе, а во взаимодействии с определенными внешними условиями, носящими исторический характер и предполагающими их проявление.

Актуализация иной оппозиции предполагает, что вопрос о национальных различиях переносится в сферу другого противопоставления: простые люди — руководство, начальники, политики, власть. Например: *«Почему люди делятся на нации? Должен же быть у политиков способ натравливать людей друг на друга!»* В этом анекдоте оппозиция по национальному признаку замещается оппозицией по социальному положению. Вторая оказывается гораздо более актуальной с точки зрения дифференциации людей.

Контрастное противопоставление совмещает в одном тексте позитивную черту «своей» национальности и негативную «чужой». При нивелировании ему соответствует уравнивание. Например: *«На стройке русский и еврей носят кирпичи. Еврей носит по одному, а русский по шесть. Еврея спрашивают: “Почему русский носит по шесть кирпичей, а вы по одному?” — “Так вы же знаете, какие русские ленивые, ему лень лишний раз сходить”»*. В этом анекдоте характеристики, приписываемые русским и евреям, могут быть интерпретированы по-разному: русский может считаться трудолюбивым, еврей — ленивым и сообразительным. Контрастное совмещение этих различных характеристик способно создавать эффект амбивалентной семантики.

Обратим внимание на то, что даже в случаях акцентирования оппозиции ее однозначное подчеркивание происходит только в одной модификации из пяти.

Выше отмечалось, что частичное сглаживание негативных черт «чужой» национальности периодически наблюдается и в тех анекдотах, которые направлены на их трансляцию. Но в гораздо большей степени оно осуществляется посредством текстов, подчеркивающих недостатки собственной национальности или содержащих ироническое восприятие ее достоинств. Все эти тексты включают в себя различные автохарактеристики, отражающие стереотипные представления о себе как о группе, объединенной совокупностью негативных признаков. Сам факт открытого объявления и ироническое прочтение этих признаков их частично сглаживает, но вовсе не отменяет их существования. Фиксация негативного признака всегда свидетельствует не просто о способности коллектива к саморефлексии, но и о его потребности зафиксировать ее результаты, сделать их общедоступными, обратить на них внимание. Действует достаточно сложный коммуникативный комплекс: мы видим (понимаем), что у нас есть недостатки, следовательно, способны их преодолеть, следовательно, у нас есть достоинства, превосходящие качеством эти недостатки. Но даже в тех случаях, когда подобные анекдоты реализуют стереотип «унижение паче гордости» в общем контексте они смягчают оппозицию едва ли не до нулевой отметки.

Этот комплекс может транслироваться посредством различных модификаций: приписывание общей черты, переосмысление стереотипа, делегирование черты определенной группе представителей национальности, перенос причины характери-

ки в сферу внешних условий жизни, актуализация иной оппозиции, уравновешивание черт.

Прямое приписывание тотальной негативной черты, характеризующей всю «свою» национальность без исключений. Здесь оппозиция выступает в своем чистом, не осложненном другими оппозициями виде. Соответственно, носителями признака являются русский человек и недифференцированное «мы». Из всей совокупности это самая жесткая часть анекдотов, не допускающих иных прочтений. Это прямые констатации. Например: *«Ни одному иностранцу не придет в голову, что обувь можно мыть в ближайшей луже, выйдя из дома»*, или *«Если русский человек решил ничего не делать, то его уже не остановит»*, или *«Все инструкции на русском языке должны начинаться со слов “Ну что, уже сломал?”»* В этих анекдотах русский человек однозначно характеризуется как неряшливый, ленивый, несообразительный. В корпусе анекдотов этих характеристик больше. Все они, безусловно, негативные и традиционное наполнение оппозиции «свой — хороший, чужой — плохой» подменяют ее прямой противоположностью, где формально свой оказывается плохим.

Переосмысление стереотипа. Это тоже общие констатации, но смягченные указанием на противоположное свойство. Например: *«Вместе мы горы свернем! Ну, или дров наломаем...»* или *«Какой русский не любит быстрой езды? — Тот, на котором ездят»*. В этих анекдотах стереотипно положительные характеристики работоспособность и мобильность контрастно совмещаются со стереотипно негативными характеристиками — беспорядочностью и покорностью. Помещенные во вторую позицию негативные характеристики перечеркивают или поглощают своим содержанием первые.

Делегирование негативной черты какой-либо одной определенной группе представителей национальности или отдельному лицу. Здесь смягчения негативной характеристики еще больше. Например: *«Для российского туриста все, что не запрещено к полету в номере отеля, — сувенир»* или *«Просыпается мужик с бодуна, смотрит — надпись на стене: “Завтра не пью”. И думает: слава богу, что не сегодня!»* В этих анекдотах негативные черты расположенность к стяжательству и склонность к пьянству приписываются не всем русским, а только их определенным группам: туристам, пьящему мужику. За счет этого негативная характеристика частично смягчается.

Перенос причины характеристики в сферу внешних условий жизни. В этих случаях негативная характеристика делегируется стране в целом, существующим в ней порядкам. Например, *«Чего орать про кризис? Когда ж еще похудеть, поумнеть и даже выпататься»* или *«Как вы думаете, Россию можно причислить к развитым странам? — Скорее, к развитым странно»*. В этих анекдотах негативные черты своих, такие как бессмысленная законопослушность и смирение, ставятся в зависимость от внешних условий жизни, т. е. перемещаются из личной сферы в сферу социального взаимодействия.

Актуализация иной оппозиции, включенной в поле единой национальной принадлежности. Например: *«День простого русского человека — это не грех, а совершенно необходимое средство нейтрализации кипучей активности руководящих им дураков»*. В этом анекдоте негативные черты своих лень и рабская покорность объясняются существованием иной оппозиции, где свои — это народ, а чужие — руководство.

Уравновешивание черт нивелирует оппозицию за счет того, что в одном анекдоте актуализируются негативные или избыточные черты «своей» и «чужой» национальности. Например: *«Чукча приехал в Петербург и глазет на Исаакиевский собор»*.

Подходит алкаш: “Что, нравится?” — “Ух ты, хороший юрта, однако”. “Давай сто рублей — он твой!” Чукча дал сотню, уперся в собор и давай толкать. К нему подходит мент и говорит: “Гражданин, что вы делаете?” “Вот новый юрта купил, теперь домой толкаю!” “И что, далеко протолкнул?” “Далеко, однако. Чемоданов уже не видать”». Примечательно, что различные способы трансляции передают одни и те же черты, что позволяет их воспринимать как чисто формальные приемы, снимающие остроту приписываемых характеристик.

Нивелирование оппозиции на уровне анекдотов осуществляется и за счет текстов, в которых «чужой» национальности приписываются амбивалентные черты, которые предполагают противоположные прочтения, или положительные черты. Например: *«Настоящий мужчина должен пропустить девушку. А настоящий дагестанец не должен пропускать ни одной девушки»* или *«Евреи и арабы не едят свинины, индусы не едят говядины, русские не едят лягушек, сафанчу и летучих мышей, европейцы почти не едят первое... И только мудрые китайцы едят все подряд»*.

В силу нивелирования оппозиции на уровне анекдотов она обращается своей семантической противоположностью. Если традиционно члены оппозиции «свой — чужой» маркируются признаками «свой — хороший», «чужой — плохой», то при нивелировании либо все наоборот, либо компоненту «свой — плохой» соответствует нулевая пара, либо компонент «свой — плохой» переносится в иную оппозицию с диатральной членом «свой — хороший».

Анализ анекдотов показывает, что нейтрализующих оппозицию «свой — чужой» в ее национальном преломлении единиц в русском языке не меньше, чем единиц, ее акцентирующих. Все это позволяет говорить о том, что в русском языке действуют стабилизационные процессы, смягчающие (сглаживающие) оппозицию. То есть на уровне языкового сознания эта оппозиция снята, или, по крайней мере, с определенностью можно утверждать, что она для него не актуальна. Оппозиция может актуализироваться в речи в определенные промежутки времени в силу повышения частотности употребления единиц, характеризующих один из ее компонентов и тем самым маркирующих асимметричное восприятие.

Такие критические ситуации достаточно просто прогнозировать и несложно преодолеть. Прогнозирование предполагает постоянный контроль частотности употребления единиц в больших массивах текстов. А преодоление предполагает искусственный вброс в эти же тексты единиц с противоположным оценочным планом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основными результатами нашего исследования являются доказательства следующих положений. Трансляция оппозиции «свой — чужой» всегда осуществляется на различных уровнях (личностном, групповом и языковом); она динамично и обязательно включает в себя две противоположные постоянно взаимодействующие тенденции: процессы акцентирования и нивелирования оппозиции. Процессы акцентирования создают исходную семантику компонентов оппозиции, формируют, сохраняют и поддерживают оппозицию, процессы нейтрализации разрушают, деформируют и деактуализируют ее.

В общем плане процессы нейтрализации сводятся к тому, что компоненты оппозиции меняют свое семантическое наполнение, приобретают сдвиги в значениях, трансформируются в нулевые единицы или в свою противоположность, приобретают несвойственные им изначально характеристики, переносят данную оппозицию в разряд

иных оппозиций (в частности, привативные оппозиции становятся эквивалентными или градуальными).

Не сам факт существования оппозиции, а именно соотношение процессов акцентирования и нивелирования определяют действительную значимость оппозиции для каждого конкретного коллектива носителей языка в определенный отрезок времени.

Материалы современного русского языка показывают, что процессы нейтрализации оппозиции не менее сильны, чем процессы ее акцентирования, что подтверждается множеством фактов, своим устойчивым использованием деформирующих оппозицию.

Наличие двух уравнивающих друг друга противоположных тенденций позволяет говорить о том, что оппозиция на языковом уровне снята.

В любой промежуток времени оппозиция может актуализироваться в определенной группе.

Современное состояние коммуникативного пространства позволяет контролировать распространение противоположных процессов. Контроль за процессами актуализации и нейтрализации оппозиции в речи предполагает постоянный учет использования маркированной лексики в больших массивах текстов и вброс в них единиц с противоположным оценочным значением.

Восприятие оппозиции как организуемой двумя противоположными тенденциями отражает коммуникативную реальность и позволяет избежать одностороннего взгляда на сложные и определяющие характер существования национальных коллективов факторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автохутдинова, О. Ф. (2015) «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 238 с.

Дубоссарская, М. А. (2012) «Свой», «Чужой», «Другой» в столкновении культур : дис. ... канд. культурологии. М. 265 с.

Илиполова, К. С. (2010) Противоречие «Свой — Чужой» в социокультурной коммуникации : дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д. 148 с.

Качмазова, А. У. (2015) Когнитивная модель этнической стереотипизации «чужие — свои» (на материале вербальных и креолизованных Интернет-текстов) : дис. ... канд. филол. наук. Нальчик. 232 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2004) Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 93–100.

Матвеева, А. А. (2011) Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой — чужой» : дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 228 с.

Петрова, М. А. (2006) Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX–XXI вв. : дис. ... канд. филол. наук. М. 197 с.

Самарина, И. В. (2006) Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д. 158 с.

Фельде, В. Г. (2015) Оппозиция «свой — чужой» в культуре : дис. ... канд. филос. наук. Омск. 152 с.

Abildinova, Z. B. (2013) Language Nature of Ethnic Stereotypes in Anecdotes // World Applied Sciences Journal. Vol. 23. Issue 4. P. 572–576.

Schalk, S. (2011) Self, other and other-self: going beyond the self/other binary in contemporary consciousness // Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology. Vol. 2. Issue 1. P. 197–210.

Дата поступления: 13.11.2017 г.

EMPHASIZING AND NEUTRALIZING THE OPPOSITION
 «FRIEND OR FOE» AT THE LEVEL OF JOKES
 A. A. SHUNEYKO, O. V. CHIBISOVA
 KOMSOMOLSK-NA-AMURE STATE TECHNICAL UNIVERSITY

The article presents an analysis of the nature of translating and semantic encoding the opposition “friend or foe” in the modern Russian language. The material is based on the sample of jokes containing the opposition “friend or foe” which were collected on the portal “Anecdotes from Russia” (<https://www.anekdot.ru/>).

The problem of the semantic content of the opposition in the Russian language is manifested in the fact that the processes of opposition neutralization are as powerful as the processes of emphasizing it. This is supported by a plurality of speech facts. The quality of balancing each other opposite trends shows that the opposition at the linguistic level in the Russian language is removed now.

The problem of predicting the significance of the opposition stems from the fact that at any moment the opposition can actualize itself for a particular group. The distribution of the opposite processes can be brought under control, which assumes constantly accounting the use of the marked language in large text arrays and stuffing them with units containing the opposite estimating meaning.

The materials of the modern Russian language show that the processes of neutralizing the opposition are no less strong than the processes of its emphasizing. The presence of two opposing tendencies that counterbalance each other makes it possible to say that the opposition is removed. At any period of time, the opposition may become updated. The current state of the communication space makes it possible to control the spread of the antagonistic processes. The perception of the opposition as organized by two opposite tendencies enables us to avoid one-sided view on the complex factors which determine the nature of the national groups' existence.

Keywords: identity markers; friend or foe; the Russian language; jokes; opposition; emphasizing; neutralizing

REFERENCES

- Avtokhutdinova, O. F. (2015) *«Drugoi» kak personazh v SMI: diskursivnye praktiki konstruirovaniia* : Dis. ... Candidate of Philology. Ekaterinburg. 238 p. (In Russ.).
- Dubossarskaia, M. L. (2012) *«Svoi», «Chuzhoi», «Drugoi» v stolkovenii kul'tur* : Dis. ... Candidate of Culturology. Moscow. 265 p. (In Russ.).
- Ilipolova, K. S. (2010) *Protivorechie «Svoi — Chuzhoi» v sotsiokul'turnoi kommunikatsii* : Dis. ... Candidate of Philology. Rostov-na-Donu. 148 s. (In Russ.).
- Kachmazova, A. U. (2015) *Kognitivnaia model' etnicheskoi stereotipizatsii «chuzbie — svoi» (na materiale verbal'nykh i kreolizovannykh Internet-tekstov)* : Dis. ... Candidate of Philology. Nal'chik. 232 p. (In Russ.).
- Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2004) *Tezaurusnyi podkhod v gumanitarnykh naukakh. Znaniie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 93–100. (In Russ.).
- Matveeva, A. A. (2011) *Otsenochnaia parametrizatsiia lingvokul'turologicheskoi kategorii «svoi — chuzhoi»* : Dis. ... Candidate of Philology. Ufa. 228 ps. (In Russ.).
- Petrova, M. L. (2006) *Kontsept «svoi/chuzhoi» v zhurnalistike i literature Rossii i Frantsii na rubezhe XX–XXI vv.* : Dis. ... Candidate of Philology. Moscow. 197 p. (In Russ.).
- Samarina, I. V. (2006) *Kommunikativnye strategii «sozdanie kruga chuzbikh» i «sozdanie kruga svoikh» v politicheskoi kommunikatsii* : Dis. ... Candidate of Philology. Rostov-na-Donu. 158 p. (In Russ.).
- Fel'de, V. G. (2015) *Oppozitsiia «svoi — chuzhoi» v kul'ture* : Dis. ... Candidate of Philology. Omsk. 152 p. (In Russ.).
- Abildinova, Z. B. (2013) Language Nature of Ethnic Stereotypes in Anecdotes. *World Applied Sciences Journal*, vol. 23, issue 4, pp. 572–576.

Schalk, S. (2011) Self, other and other-self: going beyond the self/other binary in contemporary consciousness. *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*, vol. 2, issue 1, pp. 197–210.

Submission date: 13.11.2016.

Шунейко Александр Альфредович — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Адрес: 681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, корп. 4, ауд. 335. Тел.: +7 (4217) 241-165. Эл. адрес: a-shuneyko@yandex.ru

Чибисова Ольга Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Адрес: 681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27, корп. 4, ауд. 335. Тел.: + 7 (4217) 241-165. Эл. адрес: olgachibisova@yandex.ru

Shuneyko Aleksandr Alfredovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-na-Amure State Technical University. Postal address: 27, Bldg. 4, Lenina St., Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation 681013. Tel.: +7 (4217) 241-165. E-mail: a-shuneyko@yandex.ru

Chibisova Olga Vladimirovna, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-na-Amure State Technical University. Postal address: 27, Bldg. 4, Lenina St., Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation 681013. Tel.: +7 (4217) 241-165. E-mail: olgachibisova@yandex.ru